

Е.М. ПРИМАКОВ,
АКАДЕМИК РАН (МОСКВА)

РОССИЯ: НЕОБХОДИМА ЗАМЕНА ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ*

Анализируется состояние российской экономики и предлагаются пути перехода ее на инновационный путь развития.

The state of Russian economy is given analysis to and some ways of its transfer to the innovative path of development are suggested.

Пожалуй, важнейшей задачей для России является пересмотр экономической модели развития, возникшей при переводе административно-командной системы на рыночные рельсы.

Глаза на эту модель многим открыл мировой экономический кризис 2008 г. Втянутая в кризис Россия представляла собой страну, 40 % ВВП которой создавалось за счет экспорта сырья, а внешний корпоративный долг достиг 500 млрд долл. – практически все «длинные» деньги, полученные бизнесом в виде кредитов, имели зарубежное происхождение. И не могло быть иначе, так как российская банковская система оказалась полностью неконкурентоспособной по сравнению с зарубежной ни по предоставлению долгосрочных кредитов, ни по процентным ставкам. Сумма долга в 500 млрд долл. равнялась на тот период золотовалютным запасам нашей страны.

Минфин России гордился тем, что за счет полученных прибылей от экспорта нефти были покрыты государственные внешние долги – 90 млрд долл. Это действительно само по себе было достижением. Но одновременно остальные доходы от экспорта нефти, превышавшие эти выплаты, откладывались в Стабилизационный фонд. Вопреки мнению многих экономистов (в частности, экономических институтов Российской академии наук), их не использовали для того, чтобы покончить со сверхзависимостью от конъюнктуры мировых цен на сырье или с целью развития рыночной инфраструктуры. Раздел Стабилизационного фонда на Резервный фонд и Фонд народного благосостояния, на чем настоял Президент России В.В. Путин, к сожалению, кардинально не изменил этого положения – видимо, правительственные финансисты оказались способными убедить Президента в том, что инвестиции огромных доходов от экспорта сырья внутри страны вызовут резкий всплеск инфляции. Между тем трудно было представить, что вложения, например, в строительство автомобильных дорог, в чем остро нуждается Россия, способны привести к инфляционному взлету. Кстати, практика опровергла безосновательные тревоги финансистов. В 2009–2010 гг. правительство вкладывало большие средства в терпящие бедствия градообразующие предприятия, и это не породило взлета инфляции, которая в России не носит монетарного характера. В 2010–2011 гг. в условиях дефицита бюджета увеличили вложения в ту же дорожную инфраструктуру, и это тоже не привело к предрекаемым катастрофическим инфляционным последствиям.

Инфляция в России, к сожалению, существует постоянно. И когда растет экономика, и когда она находится в кризисном состоянии, изменяется, и то не очень значительно, лишь инфляционный процент. Стремление не до-

*Примаков Е. М. Мысли вслух. М., 2011. С. 91–115.

пустить галопирующей инфляции, безусловно, вызывает одобрение, особенно в условиях наблюдаемого и, можно сказать, осязаемого роста цен, который, по словам видного эксперта Николая Вардуля, «стал еще более социально агрессивным»¹. Одной из основных причин этого является за- силье монополий, определяющих структуру нашей экономики и во многом неоправданный рост цен.

С «грузом», с которым Россия вступила в кризис, связаны масштабы (худшее положение в «двадцатке») и длительность выхода страны из кризисной полосы. Следует подчеркнуть, что «запаса прочности» в России, накопленного за счет доходов от высоких мировых цен на нефть, хватило только на полгода. Наибольший спад производства произошел к концу 2008 г. в отраслях обрабатывающей промышленности, особенно в машиностроении. Без Резервного фонда было бы еще хуже, но это факт, что накопленные средства от экспорта нефти не смогли избавить Россию от столь тяжелых последствий мирового экономического кризиса.

Одним из самых негативных результатов предкризисной экономической модели стала хроническая нехватка инвестиций. Их совокупный объем к ВВП составляет менее 20 %. По словам А.Л. Кудрина, «для бурного роста этого маловато». Но дело даже не в «бурном росте». Из-за нехватки инвестиций мы не только попали в непосильную зависимость от притока иностранного капитала, но и от импорта потребительских товаров, машин и оборудования. В ежегодном объеме закупаемых российскими предпринимателями станков доля отечественных составляет не более 1 %. И не случайно, что нового машинного оборудования у нас производится в 80 раз меньше, чем в Японии, и в 30 раз меньше, чем в Китае.

«Без колоссальных инвестиций невозможно решить проблему модернизации структуры экономики, – справедливо утверждает академик А.Г. Аганбегян. – В экспорте страны удельный вес топлива, сырья и материалов с 90 % предстоит сократить хотя бы до 50 %, соответственно подняв долю готовой продукции с 10 до 50 %, а в ней повысить удельный вес технологических и инновационных продуктов и услуг с 2 % (70-е место в мире) до 15–20 %»². Думает ли о решении этой задачи Минфин, который гордится тем, что удастся разместить доходы, полученные за счет высоких мировых цен на нефть, в надежные зарубежные ценные бумаги, дающие аж 3 % прибыли?!

Конкуренция за инвестиции, за технологии, за информацию – основа экономической борьбы в XXI в. И мы эту борьбу пока проигрываем, хотя можно констатировать, что общая картина инвестиционного климата в России более или менее благоприятная. У нас низкий внешний долг и относительно неплохая финансовая ситуация. Наше законодательство, в том числе гражданское, в основном соответствует современным мировым образцам. У нас низкие подоходный налог, налоги на землю и имущество; квалифицированные и относительно недорогие инженерные и рабочие кадры; обилие природных ресурсов. Наконец, у нас законом гарантирована репатриация капиталов и прибыли.

Однако ряд нерешенных проблем девальвирует перечисленные достоинства. Пожалуй, главная из них – чудовищный уровень коррупции, которая проявляется повсеместно – и в практике государственных заказов и торгов, и в рисках необоснованных претензий со стороны проверяющих органов, и в фаворитизме государственных служащих, «опекающих» те компании, которые могут быть конкурентами потенциальных инвесторов, и т. д. Способствует такому размаху коррупции тот факт, что в России инвестор сталкивается с необходимостью получения десятков разрешений, особенно при инвестировании в новые объекты и в реконструкцию существующих производственных мощностей.

Не улучшает инвестиционный климат в России отсутствие достаточного количества налоговых льгот, особенно для инвесторов, вкладывающих

средства в высокотехнологичные отрасли. В других странах – от Китая до малых европейских – налоговая и инфраструктурная поддержка инноваторов несопоставимо значительнее. Сказываются у нас и быстро растущие тарифы на электроэнергию, и дороговизна подключения инвестиционных объектов к инженерным сетям и системам жизнеобеспечения, и высокие процентные ставки по кредитам в российских банках – в 5, а то и в 10 раз большие, чем для аналогичных инвестиций за рубежом. Список, к сожалению, может быть продолжен. Все это свидетельствует о том, что мы должны радикально улучшить инвестиционный климат России.

Не обойду и такой острой проблемы: победа в международной конкуренции за инвестиции и появление новых предприятий более важны, чем пирровы победы в судах над отдельными компаниями, обвиняемыми в невыплате налогов.

Законно, что противоречия вокруг вопроса о сохранении или отказе от докризисной модели российской экономики становятся все очевиднее. В Женеве в ноябре 2010 г. состоялся неформальный разговор министра экономического развития Э.С. Набиуллиной с небольшой группой российских журналистов. В отличие от министра финансов она совершенно справедливо сказала, что главной проблемой для страны является не дефицит бюджета («бюджетные риски известны, но они управляемы»), а инвестиционный спрос. «Без стимулирующей роли налоговой системы, – добавила Набиуллина, – инвестиции по-прежнему будут вкладываться только в энергетические сектора и отрасли, связанные с потребительским спросом, то есть дающие быструю отдачу. А нам нужны еще и “умные инвестиции” в инновации. Иначе никакой модернизации в России никогда не будет»³.

В результате антикризисной политики удалось не допустить социальных взрывов, серьезной социальной дестабилизации, что чрезвычайно важно. Но это не свидетельствует о пригодности той экономической модели, которая была до кризиса и ныне существует в России. В апреле 2010 г. Росстат впервые привел сводку о положении страны в 1992–2008 гг. Фактически это итог 16 лет предкризисного развития через реформу экономики. Очевидно, следует вдуматься не только в успехи и завоевания, но и в выявленные негативные тенденции. Население России сократилось на 6 млн человек. При росте среднего уровня жизни усилилось расслоение населения по доходам – отношение доходов 10 % самых богатых и самых бедных возросло в 2 раза и достигло 17 (по экспертным оценкам, этот коэффициент намного выше). Почти в 2 раза сократилось число дошкольных учреждений. На 70 % возросло число государственных чиновников. В самом начале 2011 г. Президент Д.А. Медведев подписал указ о 20 % снижении числа чиновников, что улучшит ситуацию, но намного ли? С 1992 по 2008 г. на 40 % сократилось число организаций, выполняющих научные исследования, а число сотрудников в них – на 50 % (в то же время в 3 раза возросло количество защищенных диссертаций). С 7,5 до 13,5 % увеличились полностью изношенные основные фонды предприятий. Россия окончательно села на сырьевую иглу.

Главный вывод из этих показателей очевиден: нельзя возвращаться к предкризисной политике. К ней нельзя возвращаться и потому, что докризисная модель даже в условиях высоких цен на экспортируемое сырье хотя и приводит к высоким темпам роста ВВП, и повышает жизненный уровень населения, но не решает задач изменения структуры, технико-технологического обновления российской экономики. А такая задача в острой форме стоит перед нами сегодня.

Именно при выходе из кризиса осуществляется перевод экономик развитых и развивающихся стран на новый технологический уклад. Такую закономерность открыл в 20-х гг. прошлого столетия выдающийся русский ученый-экономист Н.Д. Кондратьев – автор теории развития рыночного хозяйства через этапы «длинных волн» протяженностью в 40–50 лет. Каждая из таких

волн на ниспадающем участке через кризисную стадию переходит к новой, восходящей волне. Многие эксперты считают, что при выходе из нынешней кризисной стадии развитые страны войдут в 6-й технологический уклад. Не знаю, разделяют ли идеи теории Кондратьева в США, Канаде, странах Западной Европы, Японии, Южной Кореи, да и в Китае и Индии, но в этих странах во время нынешнего кризиса возросли вложения в образование, здравоохранение.

Показательно, что в сентябре 2010 г. в США был принят закон о дополнительном выделении из бюджета 30 млрд долл для кредитования малого бизнеса. Президент Барак Обама охарактеризовал этот закон как важный шаг в антикризисной программе, позволяющей создать дополнительно 500 тыс. рабочих мест. Весьма символично, что в рамках закона, имеющего антикризисную направленность, был продлен период освобождения малых предприятий от налогов на расходы, связанные с научно-исследовательскими и опытно-конструкторскими разработками. Снят налог и за новое оборудование, приобретаемое с сентября 2010 по декабрь 2011 г.

В 2011 г. президент Обама выдвинул инициативу по оказанию помощи тем малым и средним предприятиям, которые создают новые технологии. Реализовываться эта поддержка будет на основе частногосударственного партнерства. Деньги в основном дают крупные фирмы, которые одновременно возьмут шефство над «стартающими» компаниями, стремящимися к коммерциализации достижений ученых и изобретателей. Такие компании обеспечиваются дополнительными ресурсами и консультативной поддержкой. Государство со своей стороны полностью отменяет налог на прибыль для малых предприятий при условии, что сэкономленные средства будут в течение пяти лет реинвестированы в развитие производства. Администрация США также намерена провести реформу патентного регулирования и упростить процедуры запуска изобретений в массовое производство.

И все это происходит в условиях, когда конкурентная борьба сама подталкивает американский бизнес к технико-технологическому совершенствованию. У нас другая ситуация. Траты на НИОКР наших компаний, в том числе крупных, ничтожны. В результате расходы на НИОКР в России составляют лишь 1 % ВВП, а в США – 2,7 %, в Японии, Швеции, Израиле – от 3,5 до 4,5 % ВВП.

Следовательно, в качестве первоочередной задачи стоит стимулирование российских предпринимателей к переводу производства на инновационные рельсы. Прямая государственная поддержка в разных формах отечественных предприятий с упором на необходимость их инновационной деятельности осуществляется. Но главным образом государство должно создать условия для свободной конкуренции, подталкивающей предпринимателей к технико-технологическому обновлению производства. Среди безусловно радикальных мер большая роль принадлежит антимонопольным рычагам, но, как бы они ни были важны сами по себе, их недостаточно для создания в России рыночной конкурентной среды. Отсутствие конкуренции оказывает самым непосредственным образом негативное влияние на динамику производительности труда. Отсюда и неконкурентоспособность российских производителей, которая проявляется не только на внешнем, но и на внутреннем рынке.

В последнее время в России усилилась справедливая критика государственных корпораций. Их создание было необходимо, например, в деградирующих отраслях – в самолетостроении и судостроении. Но в целом ряде случаев они были искусственно ограждены от рыночной конкуренции. Имущество передавалось им без торгов. Часть госкорпораций уходила от финансового контроля. Практика, показавшая явно недостаточную эффективность значительного числа государственных производственных структур, остро поставила вопрос о распространении на их деятельность законов и

правил рынка. Без этого в России не может быть создана рыночная конкурентная среда.

Конкурентную среду невозможно создать и без радикального изменения существующей практики лоббирования чиновниками всех рангов интересов отдельных компаний, преимущественно крупных. На это у нас, к сожалению, обращается значительно меньше внимания, чем необходимо. А без разрыва связки чиновничества с бизнесом невозможна серьезная борьба с коррупцией.

Остро стоит эта проблема в связи с решением о приватизации значительных долей государства в акциях крупных компаний и банков. Речь идет о 900 предприятиях. Общая сумма акций, подлежащих приватизации, составляет ни много ни мало 1,8 трлн рублей. В чьи руки попадут эти акции – этот вопрос приобретает и экономический, и политический характер. Фактическое – хотя бы не прямое, а косвенное – приобретение их людьми, находящимися на государственной службе, чревато усилением бюрократического начала, серьезным уроном для процесса демократизации.

Председатель совета директоров компании «Тройка диалог» Р.К. Вардамян дал грустную, но вполне справедливую оценку происходящего: «При огромном количестве бюрократии у нас очень слабые общественные институты, они ослабли еще больше, и на первый план вышли персональные отношения. Причем это относится не только к бизнесу, но и ко всем сферам деятельности»⁴.

30 марта 2011 г. на Комиссии по модернизации выступил Президент Д.А. Медведев, который в числе других задач заострил внимание на необходимости вывести заместителей Председателя правительства и министров из советов директоров государственных или с государственным участием компаний. Детализируя поручение Президента, его помощник А.В. Дворкович сказал, что речь идет о членах правительства, которые отвечают за профильные отрасли, и о тех компаниях, которые работают в конкурентной среде. Идею полностью убрать чиновников из советов директоров акционерных компаний с государственным участием Д.А. Медведев впервые выдвинул во время предвыборной кампании в начале 2008 г. Еще раньше – в 2004 г. независимые директора в госкомпаниях предусматривались административной реформой. Между тем в 2010 г. в государственных компаниях на одного независимого директора из числа предпринимателей или экспертов приходилось два чиновника. Как и в каких масштабах будет выполняться новое поручение Президента, покажет время. Естественно, что замена министров в советах директоров государственных компаний на их заместителей, что не исключается нынешней инициативой, не намного изменит то положение, которое существует.

Бесспорная необходимость исправить ситуацию с госкорпорациями и с лоббированием госчиновниками интересов отдельных компаний ни в коей мере не должна привести к соскальзыванию на позиции неолибералов, проповедующих идею исключения государства из процесса экономического регулирования. Антикризисные меры, предпринимаемые ныне в ведущих странах с рыночной экономикой, еще раз демонстрируют ущербность такой позиции.

В России нужно стимулировать не только производство, но и потребление инновационной продукции. Причем не останавливаться в этом плане на полпути. Известно, например, какое значение имеет для нас обновление бесконечно устаревших и физически, и морально основных производственных фондов. С этой целью правительство «обнуло» таможенные пошлины и сняло НДС с ввозимого высокотехнологичного оборудования, которое не производится в нашей стране. Вместе с тем, по данным ТПП РФ, лишь 13 % импортируемого оборудования отвечает характеристикам сегодняшнего дня. Предпочтение предпринимателями при закупке отдается более дешевой, но уже морально устаревшей или устаревающей продукции.

Так на новом витке закладывается наше отставание, что, естественно, не имеет ничего общего с задачами модернизации экономики.

Хотел бы привести слова председателя Комитета по экономической политике и предпринимательству Госдумы Е.А. Федорова, с которыми согласен: «Российскую промышленность ждет *коренная* (выделено мной. – Е. П.) трансформация и диверсификация. Ее результатом должно стать замещение индустриальных предприятий прошлого века средними, а иногда и мелкими, новыми предприятиями. С новыми владельцами, разумеется, российскую промышленность ждет полное обновление класса собственников... Это естественный процесс – переход от индустриального типа промышленности к постиндустриальному»⁵. Хотелось бы лишь добавить, что такой переход усложняется тем, что нынешние постиндустриальные страны, к которым Россия стремится приблизиться, тоже не стоят на месте – они выходят из мирового кризиса, переходя на новый экономический уклад.

Объективно необходимый для России революционный скачок в развитии промышленности выдвигает на передний план целый ряд нерешенных проблем.

Одна из них – совершенствование научных структур с целью разработки новых технологий. Среди них особое место принадлежит Российской академии наук – основному центру фундаментальных исследований. Мировой опыт показывает, что фундаментальные исследования финансируются государством. В то же время научно-исследовательские организации обладают большим объемом прикладных разработок. Здесь – серьезный резерв инновационного развития России, который весьма слабо используется.

Приведу пример. Еще в первой половине 2005 г. на основе шести научно-исследовательских институтов Сибирского отделения РАН была создана база данных прикладных конкурентоспособных разработок для коммерческого внедрения. Но отсутствие господдержки привело к тому, что этот коммерческий потенциал не разрастался и не совершенствовался. Одной из причин этого стал запрет Министерства финансов России давать кредиты институтам Академии наук, так как они являются бюджетными организациями. В результате основными покупателями технологически передовой продукции стали зарубежные промышленные компании. К ним же зачастую переходили права на интеллектуальную собственность. Так, Институт ядерной физики им. Г.И. Будкера осуществляет поставки техники в Китай, Южную Корею, Японию, где ее используют для медицинских целей, производства облученных кабелей, термоусаживаемых изделий и т. д.

Директор института им. Г.И. Будкера, выдающийся физик академик А.Н. Скринский, неоднократно ставил вопрос о необходимости обеспечения передовыми наукоемкими технологиями, разрабатываемыми институтом, отечественных компаний. В одном из своих обращений в правительство еще в мае 2006 г. он писал: «Основным направлением деятельности большинства академических институтов являются фундаментальные исследования, а внедрение разработок относится к не основной деятельности. В связи с этим возникла потребность в создании организации, которая при непосредственном участии самих разработчиков будет проводить научно-технические и правовые экспертизы, маркетинговые исследования, финансово-экономические расчеты и решать организационные вопросы при подготовке и реализации инвестиционных проектов, связанных с внедрением наукоемких технологий». Этот призыв полностью сохраняет свою актуальность и по сей день.

Мы справедливо ссылаемся на опыт Соединенных Штатов в организации сетей продвижения инноваций, но подчас подходим к этому опыту с формальных позиций. Когда мы приводим в пример создание при американских университетах венчурных малых компаний, что само по себе чрезвычайно важно и для нас, мы оставляем без внимания такое наше признание самими американскими учеными преимущество, как существова-

ние Академии наук с широкой сетью исследовательских институтов. Конечно, и Академия наук, и высшая школа в России нуждаются в усовершенствовании. Но, как мне представляется, нельзя переносить на вузы центр тяжести в научной работе. Истина – в необходимости максимально использовать возможности и Академии, и высших учебных заведений для перехода России к новому технологическому укладу.

В этой связи несколько слов о построении российского аналога американской Силиконовой долины, созданной на западе США. До ее создания главным местом производства образцов наукоемкой продукции была окружная дорога г. Бостона. С любой точки этой дороги за полчаса автомобильной езды можно достичь либо Массачусетского технологического института, либо Гарвардского университета. Силиконовая долина была создана не на пустом месте, а в районе штата Калифорния, где сосредоточены ведущие университеты и научно-исследовательские организации США – до них час езды на автомобиле. Этот район отличается также большой плотностью высокотехнологичных компаний, связанных с производством компьютеров, устройств мобильной связи, биотехнологией. А у нас аналог Силиконовой долины создается в Сколково, не в Звенигороде, Дубне, Черноголовке, Новосибирске, Томске, Екатеринбурге, Казани и т. д., а именно в Сколково. Президент дал поручение в наискратчайшие сроки «представить предложения по правовому режиму создания и функционирования *территориально обособленного центра* (выделено мной. – Е. П.) для развития исследований и разработок и коммерциализации их результатов, в том числе в части налогообложения, таможенно-тарифного регулирования и административных (включая миграционные) процедур».

Судя по всему, расчет делается на привлечение в Сколково иностранных специалистов, особенно наших ученых, уехавших за рубеж. Правильно ли это с любой точки зрения? Абсолютно не соответствует действительности предположение, что в результате «утечки мозгов» те, кто остался в России, уже, дескать, не представляют былой ценности. Еще более вредное предположение, что возвратить уехавших из России ученых – теоретиков и экспериментаторов – можно за счет создания для них, не для всех, на что практически отсутствуют средства, а только для них материальных условий, сопоставимых с теми, которые были за границей. Причем проект «Сколково», главным образом строительство нового города, обойдется ни много ни мало в 3 млрд долл. в ближайшие три года. Эти средства могли бы, как представляется, с большим успехом быть вложены в уже существующие инновационные центры.

С 1992 г. из России эмигрировало более 3 млн специалистов. Особую роль в организации столь массовой «утечки мозгов» играет политика ведущих западных государств и стран Юго-Восточной Азии, стимулирующая научную иммиграцию. Талантливых иностранных ученых не просто зовут – их ищут. Созданы специальные программы поиска. На постоянной основе работают 900 тыс. российских ученых и научных сотрудников в США, 150 тыс. – в Израиле, 100 тыс. – в Канаде, 80 тыс. – в Германии, 35 тыс. – в Великобритании, 25 тыс. – в Китае, около 3 тыс. – в Японии. Бывшие российские граждане являются основателями 6 % высокотехнологичных компаний в Нью-Йорке, 3 % – в Массачусетсе^{*}. Seriously рассчитывать на их возвращение в Россию не приходится. Они уже выросли в зарубежную научно-коммерческую среду. Этот вывод охватывает иммигрантов-ученых и специалистов из всех стран.

^{*} Перечень поручений Президента Российской Федерации по итогам заседания Комиссии при Президенте Российской Федерации по модернизации и технологическому развитию экономики России от 23 марта 2010 г.

^{**} Данные приведены из статьи Ольги Усковой, опубликованной в газете «Ведомости» 15 декабря 2010 г.

Несостоятелен расчет и на то, что наши бывшие граждане будут заинтересованы оторваться от иностранной почвы и работать «на два дома». Если единицы и захотят поступить таким образом, то вряд ли это встретит должное понимание со стороны иностранных компаний-работодателей. Как представляется, акцент должен быть сделан на то, чтобы противостоять агрессивной политике «выманивания» наших молодых специалистов за рубеж. А успех зависит от того, создадим мы или нет, как бы трудно это ни было сделать, соответствующие условия для их работы и жизни в России.

На первом заседании Консультативного научного совета «Сколково» 15 октября 2010 г. было рассказано о градостроительной концепции иннограда и о том, кто и на каких условиях будет там жить. Характерна реакция немецкого профессора Д. Бимберга и его американского коллеги доктора Ф. Фроста. «Не футуристические проекты города для избранных, а устранение бюрократических и коррупционных барьеров в инновационной сфере, достойная оплата труда ученых – вот что, по их мнению, может привлечь уже состоявшихся исследователей. И предопределить выбор в пользу собственной страны у выпускников российских вузов»⁶. Так описывает «искреннее беспокойство» иностранных ученых корреспондент «Российской газеты».

Думаю, что важным является комментарий одного из наших молодых ученых-физиков, уехавших на работу за рубеж, – Бориса Лукьянчука, ныне профессора в институте Сингапура, где он занимается лазерными технологиями, плазмоникой: «Я думаю, что те колоссальные деньги, которые вбухивают в то же “Сколково”, гораздо более эффективнее можно было бы использовать для поддержки тех коллективов, которые уже есть и продуктивно работают. ...Я не уверен, что, если вы предложите Intel (крупнейший производитель процессоров. – *Е. П.*) сделать лабораторию в “Сколкове” или где-нибудь еще, чтобы выпускать процессоры самого высокого класса, компания согласится. Есть ключевые вещи, к которым никогда не допустят»⁷.

Другой аспект проекта «Сколково», который тоже порождает определенное беспокойство: будут ли иностранными участниками претворяться в жизнь прорывные идеи, родившиеся в иннограде, на российской территории, или они заинтересованы в том, чтобы «вывезти» эти идеи? «Российская газета» задала этот вопрос президенту Международного технологического симпозиума, управляющему партнеру совместного российско-американского инвестиционного венчурного фонда Александре Джонсон. Ответ был однозначен: «...сегодня не так важно, где именно зародилась идея... Если перспективнее рынок США, Китая или Сингапура, значит, надо идти туда». А это еще один пассаж из ее интервью: «Я посоветовала инвесторам обязательно встретиться со студентами, предпринимателями, пройтись по научным центрам, посмотреть на огромную базу данных “Роснано” и РВК (Российской венчурной компании. – *Е. П.*) и вытащить оттуда “жемчужины”»⁸.

Не имею ничего общего с теми, кто бездумно отвергает острую необходимость для России в привлечении иностранных инвесторов, особенно с целью инновационного развития. Но неужели мы сами не можем обеспечить поиск «жемчужин»? В России, кроме всего прочего, насчитывается более 100 технопарков, свыше 110 центров трансфера технологий, около 120 бизнес-инкубаторов, особые экономические зоны. Это дает нам право говорить о наличии базовых инфраструктурных элементов современных сетей продвижения инноваций к внутренним и зарубежным потребителям. Дело в том, что эти сети остро нуждаются в развитии, совершенствовании и наполнении новым содержанием. Основа для этого уже существует.

Переход на путь инновационной экономики возможен в России прежде всего при опоре на средние и малые предприятия. Одновременно следует, как это ни парадоксально звучит, оказать многостороннюю поддержку военно-промышленному комплексу, превращая его в один из важных рычагов инновационного развития всей экономики. Исторически сложилось так,

что в советский период ВПК вобрал в себя наибольшую часть научно-технического потенциала страны. Этот потенциал далеко не полностью растрачен в современной России. Поставив его на службу модернизации экономики, следовало бы сделать технико-технологические достижения ВПК доступными для гражданского производства, естественно, не нанося ущерба секретности, необходимой при изготовлении вооружений. В США производством вооружений занимаются, как правило, компании, которые одновременно выпускают гражданскую продукцию, во всяком случае, продукцию двойного назначения. Это – один из важных путей инновационного развития и для нас.

Создание новых отечественных технологий, безусловно, важнейшая задача в переходе России к новому технологическому укладу. С учетом нынешних условий весьма важно опереться и на закупку иностранных патентов и лицензий. По оценке ТПП России, только 7 % наших предпринимателей интересуются этим. А такие закупки стали основным источником быстрой модернизации экономик Японии, Южной Кореи, да и Китая. Думаю, что этому аспекту проблемы инновационного роста страны должно быть придано особое внимание.

Что может помешать успешному продвижению России к новой экономической модели? Помехой является инерционное мышление весьма влиятельных кругов, которые уповают на то, что основные импортеры нефти постепенно выходят из рецессии и цены на нее удерживаются на достаточно высоком уровне. По их мнению, продолжение курса на преимущественную поддержку крупных сырьевых компаний воссоздаст благоприятную докризисную ситуацию, способствовавшую росту ВВП и благосостояния населения.

Есть основания считать, что пока это мнение накладывает серьезный отпечаток на характер экономического развития России. Сырьевики, особенно нефтяные и газовые компании, имеют и сохраняют целый ряд больших преимуществ перед другими производителями не только по размеру чистой прибыли – их рентабельность несравнимо выше, чем, например, у машиностроителей. Дело также в том, что значительно большую долю прибыли, чем у предпринимателей в обрабатывающих отраслях, нефтяные и газовые компании направляют не на развитие производства, а на выплату дивидендов и бонусов.

Несмотря на все это, руководство страны остро реагирует на сетования сырьевиков о том, что у них чуть ли нет средств на разведку, освоение месторождений. В 2008 г., когда временно резко упали мировые цены на нефть, было решено снизить НДС (налог на добычу полезных ископаемых) на 100 млрд рублей. Характерно, что за этот же год одна лишь компания ТНК-ВР выплатила акционерам около 83 млрд рублей дивидендов, а совокупный объем выплат за 2009 г. превысил эту сумму почти в 2 раза⁹.

Преимущество сырьевиков несомненно и в возврате государством НДС. За экспорт нефти государство возмещает нефтяным компаниям весь уплаченный ими налог на добавленную стоимость. Справедливый вывод сделали сотрудники Института мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО) – авторы прогноза на 2011 г.: «Несмотря на поставленную цель экономической модернизации, в период кризиса произошло усиление зависимости экономики от сырьевого комплекса и отраслей “низших пределов”»¹⁰.

Характерен и пример использования дополнительных доходов, получаемых из разницы «бюджетной» и реальной цены за нефть. Бюджет на 2011 г. был сверстан из расчета цены экспортируемой нефти в 75 долл. за баррель. Однако в реальной жизни цена на нефть оказалась много выше, и это, естественно, создало и создает дополнительные доходы от экспорта нефти. Министерство финансов настаивает на докризисной позиции – исключения этих дополнительных доходов из затрат внутри России и откла-

дывания их в фонды «на черный день». В кризисный период от такой практики отошли: примерно две трети нефтегазовых дополнительных доходов шли на покрытие бюджетного дефицита, треть – на наращивание расходов. Дефицит бюджета сохраняется и сегодня при выходе из кризиса, но Минфин считает способом его покрытия снижение социальных расходов и рост налогов. Есть основания полагать, что опять, как и в докризисный период, несмотря на возросшую необходимость увеличения инвестиций в здравоохранение, образование, науку, вложения с целью изменения структуры экономики, перевода ее на инновационные рельсы, Минфин хочет положить эти средства в кубышку. Между тем, по оценке экспертов, каждый дополнительный доллар за баррель нефти может дать бюджету 90–100 млрд долл. в год. Можно себе представить, о какой сумме идет речь, если цена на нефть достигает 100 долл. за баррель. Конечно, цена колеблется. Но, по имеющимся оценкам, она, во всяком случае до конца 2011 г., если и упадет – это под вопросом, – то не до 75 долл. за баррель, т. е. до «бюджетной» цены.

Закладываемая линия, по сути, предполагает отнесение на будущее отказ от докризисной экономической политики, что приведет к превращению России в сырьевой придаток мировых держав, быстро развивающихся на основе научно-технического прогресса, не только «традиционных», но и Китая. Последствия этого для России пагубны и в экономической, и в социальной, и в политической областях.

В противодействии силам, которые не настроены на решительное продвижение России к новой экономической модели, следовало бы избежать ряда крайних выводов. Среди них представления, будто ориентир на новую экономическую модель предполагает разворот спиной к «столь уже облагодетельствованным» сырьевым компаниям. Мы еще очень долго будем зависеть от выплачиваемых ими налогов и других взносов, пополняющих бюджет. Поэтому увеличение объемов добычи сырья, сопровождаемое ростом эффективности и добычи, и переработки, и доли сырья с добавленной стоимостью в экспорте, – такие направления должны найти достойное место в новой экономической модели. Без этого не обойтись.

Но и этого недостаточно. Россия резко отстала от очень многих стран в разработке и внедрении энергосберегающих технологий. Одна из главных причин неконкурентоспособности нашей экономики в том, что общие затраты на энергоносители в структуре себестоимости продукции в России почти в 2 раза превышают аналогичные показатели в Китае, в 7 раз – в США, в 12 раз – в странах ЕС. На производство одной тонны стали у нас тратится в 3 раза больше электроэнергии, чем в каждой из таких стран, как Бельгия, Франция, Италия, на производство одной тонны минеральных удобрений – в 6 раз больше, чем в арабских странах. Конечно, большое значение имеет сбережение энергии за счет новых электролампочек, но оно мизерно по сравнению с потерями в промышленности.

Задача понижения энергозатрат – многоплановая, и от этого никуда не уйдешь. В настоящее время стоимость электроэнергии для внутреннего потребления в России ниже, чем в странах Европейского Союза, в 1,7 раза, а цены на природный газ в 3 раза ниже, чем отпускная цена для промышленности стран ЕС. Однако ожидается, что в ближайшие годы российские производители потеряют эти преимущества. Износ основных фондов объектов электроэнергетики в России составляет более 40 %, что выше, чем в промышленности. Отражением этого является рост расходования топлива на производимую электроэнергию и увеличение потерь в сетях.

Несмотря на предпринимаемые меры, происходит, по сути, безудержный рост тарифов на электроэнергию. Если сохранится эта тенденция с тарифами, то они в России будут выше, чем в США и в странах ЕС.

В результате реформы РАО ЕЭС, завершенной в 2008 г., предполагалось увеличение вложений в электроэнергетику за счет стратегических инвесторов, приватизировавших активы РАО ЕЭС. Но жизнь продемонстрировала, что прогнозы, которые были основой реформы, оказались нереалистичными. Между тепловыми генерирующими компаниями, образовавшимися в итоге реформы электроэнергетики, и государством возникли серьезные противоречия относительно уровня тарифов. Как известно, модернизация требует развития экономики в условиях подъема жизненного уровня населения. Чрезмерный рост тарифов на электроэнергию не способствует этому. Причем этот рост ощущает на себе главным образом население, а также мелкий и средний бизнес, а наибольший рост приходится на наиболее бедные регионы, что приводит к высокому уровню неплатежей. Рассчитывать на то, что потребители электроэнергии могут оплатить модернизацию отрасли, не приходится.

Возникает много вопросов. Как обуздать чрезмерный рост цен на электроэнергию? Кто, в конце концов, будет финансировать модернизацию нашей электроэнергетики? И вообще, способны ли российские генерирующие компании, образованные в результате дробления прежней централизованной системы, обеспечить задачи модернизации отрасли и экономики в целом или предстоит мегаслияния с тем, чтобы привести дело к устойчивым энергоотопленным компаниям как по мощности, так и по капитализации?

Вместе с тем неправильно представлять все проделанное в российской экономике до сегодняшнего дня в негативном плане, а такие мотивы уже начинают тиражироваться. Несмотря на имевшие место недостатки, российское руководство, начиная с конца 1990-х гг., сделало в целом немало в противостоянии с псевдолибералами-монетаристами, которых вынес на гребень волны хаотичный переход России на рыночные рельсы в период с 1992 по 1998 г. Можно считать, что их деятельность в дальнейшем была ограничена – просматривается линия на сдерживание тех, кто не прочь возвратиться к докризисной модели российской экономики. В описании антикризисных мер В.В. Путин впервые выдвинул идею необходимости для России новой экономической модели. Д.А. Медведев расширил понятие обновления в лозунге модернизации России.

¹ Профиль. 2011. 24 окт. С. 32.

² Рос. бизнес-газета. 2010. 14 дек.

³ Рос. газ. 2010. 25 нояб.

⁴ Ведомости. 2010. 30 сент.

⁵ Коммерсантъ деньги. 2010. 1 нояб. № 43.

⁶ Рос. газ. 2010. 18 окт.

⁷ Электронное издание «Наука и технологии России – STRF.RU». 2010. 15 нояб.

⁸ Рос. газ. 2010. 11 окт.

⁹ См.: www.quote.rbc.ru. 2010. 30 июня.

¹⁰ Россия и мир: 2011. Экономика и внешняя политика. Ежегодный прогноз. М., 2010. С. 13.

Поступила в редакцию 12.10.11.